

Глава первая

28 сентября 1918 года

Солнечным сентябрьским днем смертоносный вирус незримо и неслышно крался сквозь толпу по булыжным мостовым Филадельфии. Его никто не замечал среди радостной суеты парада в честь займа Свободы¹, проходившего под патриотические марши Джона Сузы². Больше двухсот тысяч мужчин, женщин и детей размахивали американскими флагами и теснили друг друга: каждый жаждал пробиться на лучшие места вдоль трехкилометрового маршрута шествия. Все они, как один, ободряющими криками приветствовали вереницу оркестров, бойскаутов, участниц Женской вспомогательной службы, моряков и солдат, шагающих по улице. Над головами летали аэропланы, тягловые лошади тащили восьмидюймовые гаубицы, военные отряды демонстрировали приемы штыкового боя, звенели церковные колокола, заливались полицейские свистки; старые товарищи обнимались и пожимали руки, влюбленные целовались, дети делились друг с другом конфетами и лимонадом. Воодушевленные зрители не подозревали, что

¹ Во время Первой мировой войны власти США провели несколько правительственных займов, направленных на финансирование армии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² «Король маршей» композитор Джон Филип Суза (1854—1932) написал одно из своих произведений специально для парада в честь очередного займа Свободы.

с военно-морской верфи в город проникли губительные микробы и накануне местные больницы уже приняли больше двухсот заболевших, а специалисты по инфекционным заболеваниям потребовали от мэра отменить праздник. Впрочем, публика вряд ли встревожилась бы. Горожане вышли на улицы, чтобы поддержать войска, купить облигации военного займа и продемонстрировать свой патриотизм. Главное — победить в Европе и не допустить гансов в Америку: вот что в первую очередь занимало все умы.

Многие слышали об эпидемии, охватившей Бостон и Нью-Йорк, но директор филладельфийского Института Филлипса сообщил, что он уже выявил возбудителя этого особого типа инфлюэнцы, палочку Пфейффера, а местные газеты написали, что заболевание не представляет опасности: оно старо как мир и обычно развивается в условиях спертого воздуха, сырости и засилья насекомых. В Филадельфии такого не водится, а значит, если выполнять рекомендации Департамента здравоохранения — держать ноги в тепле и сухости, есть побольше лука и проветривать помещения, — все будет хорошо.

Но тринадцатилетняя Пия Ланге догадывалась, что происходит нечто необычное. Не потому, что ее лучший друг Финн Даффи рассказал ей о трупке моряка, который лежал у пивной. И не потому, что весь город пестрел плакатами, которые гласили: «При кашле и насморке пользуйтесь носовыми платками» или «Прикрывайте рот! Инфлюэнца распространяется с брызгами, вылетающими из носа и рта!».

Пия заподозрила неладное вот почему: едва они с матерью, толкающей плетеную коляску с братьями-близнецами, влились в праздничную сутолоку, девочку охватила смутная тревога. Так бывает, когда воздух перед грозой

словно сгущается или когда крутит живот перед тем, как начинает тошнить. Толпа и раньше пугала Пию: никогда ей не забыть паники, которая охватила девочку, когда она впервые оказалась на оживленных улицах Филадельфии. Или тот страх, когда Финн потащил ее на торжественный спуск на воду военного корабля на Хог-Айленде, где присутствовали президент Вильсон и тридцатитысячная толпа, а реку загромождали буксиры, пароходы и баржи, украшенные американскими флагами.

Но теперь все было иначе. Трудноопределимая тяжесть — невидимая, но ощутимая, — казалось, давила на девочку со всех сторон. Поначалу Пия решила, что всему виной жара и запруженные тротуары, но потом ее охватила знакомая слабость, с которой она безуспешно боролась все детство, а следом пришло внезапное предчувствие неминуемой катастрофы. Она словно опять стала маленькой девочкой, которая пряталась от гостей под фартуком мутти³ и не могла объяснить, почему предпочитает играть одна. Девочкой, которая не хотела пожимать руки, обниматься или сидеть у взрослых на коленях. Которая старательно избегала общих игр с мячом или скакалкой, хотя одновременно страдала от одиночества.

Мальчишки в поношенных курках и залатанных штанах взобрались на фонарные столбы, откуда лучше было видно парад, и Пия пожалела, что не может присоединиться к ним, избежав нарастающей давки. Ребята кричали, смеялись и махали кепками, по-обезьяньи повиснув под огромными американскими флагами. Больше всего на свете Пии сейчас хотелось быть такой же беспечной, не думать о грядущем несчастье, но ничего

³ Mutti — мамуля (нем.).

не получалось. Сколько ни старайся, никогда ей не стать как все.

Когда она снова посмотрела на тротуар, мама пропала. Пия хотела окликнуть ее, но вовремя прикусила язык. Не стоило кричать «мутти» — по крайней мере, во всеуслышание. Говорить по-немецки в общественных местах теперь не позволялось. Про себя, несмотря на новые законы, она все равно называла родителей по-прежнему, мутти и фатер⁴, но на людях не решалась привлекать лишнее внимание. Привстав на цыпочки и стараясь разглядеть мать поверх чужих голов, Пия заметила метрах в трех знакомую коричневую шляпку. Девочка бросилась вдогонку, огибая прохожих и бормоча слова извинения, когда случайно влетала в чью-то спину.

Наконец она догнала мутти, вытерла капельки пота с верхней губы и с облегчением выдохнула. Не хватало еще потеряться в городе. Вжав голову в плечи, чтобы казаться поменьше, Пия держалась как можно ближе к маме. Виляя в толпе и уворачиваясь от соприкосновения с чужими голыми руками, девочка мечтала, чтобы мутти шла помедленнее. Вот бы забраться в коляску к братьям и спрятаться под одеялом. Пия знала, что на параде ей придется тяжело, но не настолько же.

Всю свою недолгую жизнь она была невероятно застенчивой; мутти уверяла, что даже в младенчестве Пия мало кому позволяла брать себя на руки — ревела так, будто наступил конец света. Раньше девочка считала, что другие точно так же страдают от приступов стеснительности и это нечто вроде недомогания наподобие повышенной температуры, боли в животе или першения в горле. Хорошо еще, что мама всегда была рядом

⁴ Vater — отец (нем.).

и защищала от мужчин, желающих ущипнуть малышку за щечку, или скрюченных пожилых дам, тычущих в нее пальцем. Но постепенно, особенно за последнюю пару месяцев, ощущения Пии изменились. Если ей случилось прикоснуться к коже другого человека, у нее появлялись странные симптомы: тупая боль в голове или груди, ломота в ноге или руке. Такое бывало не каждый раз, но достаточно часто, чтобы Пия забеспокоилась. Теперь, отправляясь в магазин или на овощной рынок, она предпочитала двигаться по проезжей части, уворачиваясь от лошадей, телег, велосипедов и машин, лишь бы не толкаться на тесных тротуарах. Необходимость отдавать мелочь торговцам доводила ее чуть не до обморока, поэтому чаще всего девочка просто бросала монеты на прилавок. К сожалению, ей приходилось молча терпеть мучения. О том, чтобы пожаловаться мутти — а тем более кому-то другому, — не могло быть и речи. Особенно после того, как Пия услышала историю своей двоюродной бабушки Лотти: той вечно мерещились несуществующие вещи, и потому ее до конца жизни упрятали в немецкую лечебницу для умалишенных. Пусть Пия и боялась людей, ей вовсе не хотелось угодить в дурдом.

И сейчас, когда Пия следовала за мутти по людному тротуару, ее мрачные предчувствия подтвердились: мужчина в льняном костюме и широкополой соломенной шляпе нырнул в толпу и врезался в девочку. Поначалу он засмеялся, потом извинился. Пия, наученная всегда быть приветливой и вежливой, выдавила улыбку — она так поднаторела в притворстве, что сама иногда пугалась, — но тут мужчина потрепал ее по щеке, и грудь девочки пронзила острая боль, словно сердце разорвали надвое. Она задрожала и оглядела себя: не иначе, ей

воткнули нож между ребер. Но никакого ножа не было, и кровь не текла по платью из мешковины: плотная ткань была такой же гладкой и безупречно чистой, как и утром, когда Пия одевалась. Она попятилась, чтобы отстраниться от мужчины, но он уже исчез, и боль ушла вместе с ним, остались лишь слабость и дрожь.

Тут ее руку поймала маленькая прохладная ладошка, и грудь сдавило, причем с каждым вздохом хватка усиливалась. Пия не сомневалась, что слышит треск ломающихся ребер, но вокруг было слишком шумно. Она выдернула руку и глянула вниз. Оттуда на нее с улыбкой смотрела маленькая девочка в белом плиссированном платье. Но тут малышка сообразила, что не знает Пию, и улыбка сменилась гримасой страха. Девочка в ужасе оглядела толпу и бросилась прочь, зовя маму. Только после этого Пия смогла дышать нормально.

Больше всего на свете ей хотелось вернуться в Хейзлтон, на просторы Пенсильвании, где под голубым небом тянулись до горизонта луга с полевыми цветами и стадами оленей — вместо здешних толп на бесконечных тротуарах вдоль плотной вереницы зданий. В Филадельфии она и шагу не могла ступить, не столкнувшись с кем-нибудь, и каждый взгляд, звук и запах казались чужими и угрожающими. Соседние переулки были забиты мусором и нечистотами, повсюду сновали гигантские крысы. На каждой улице теснили друг друга трамваи, повозки и автомобили, не говоря уже о неиссякаемом потоке прохожих. Город напоминал девочке закупоренный улей, кишаший людьми, точно насекомыми; в каждой квартире переполненных домов ютились по несколько семей. Конечно, жизнь в шахтерском пригороде Хейзлтона тоже была не сахар: тонкие, как бу-

мага, стены хижины; угольная пыль, покрывающая абсолютно все от одежды до кухонного стола, и, что хуже всего, опасная и тяжелая работа отца в шахте, — но ностальгия от этого не притуплялась. Когда чуть больше года назад отец подыскал в городе место получше, Пия обрадовалась, но втайне скучала по курам во дворе и соседской охотничьей собаке, спящей под крыльцом. Ей недоставало прогулок по разбитой дорожке к лачуге вдовы Уилкоккс, где ее учили читать и писать. Она тосковала по горным тропам и траве за порогом. Фатер говорил, что она грустит по Хейзлтону, потому что ее тянет к живописным холмам и зеленым полям Баварии. А когда Пия возражала, что ее увезли на корабле в Америку в четырехлетнем возрасте, он смеялся и отвечал, что Германия у нее в крови, как и ее пристрастие к конфетам и его любовь к мутти.

При мысли об отце глаза у девочки наполнились слезами. Будь он сейчас с ними, она бы ухватилась за его широкую шершавую ладонь и прижалась к высокому мускулистому телу. Фатер по обыкновению дважды сжал бы ее пальцы, что означало: «Я тебя люблю», она ответила бы тем же, и они улыбнулись бы друг другу, радуясь своему маленькому секрету. Глядя на внушительную комплекцию и широченные плечи отца, люди спешили убраться с дороги, и никому не приходило в голову, что характер у него мягкий и в семейном кругу фатер часто насвистывает, поет и шутит. Рядом с ним Пия могла бы пройти сквозь толпу, и никто не посмел бы коснуться ее. Но три месяца назад он записался в армию вместе с двумя друзьями, тоже немецкого происхождения, чтобы доказать верность Соединенным Штатам. Теперь отец находился где-то во Франции, и Пия понятия не имела, когда он вернется домой. После его отъезда

мутти со слезами говорила, что зря они переехали в город: думали уберечь отца, а получилось только хуже.

Внезапно между Пией и ее матерью влезла женщина в костюме статуи Свободы, прервав воспоминания девочки. Когда голое предплечье женщины задело руку Пии, та задержала дыхание, ожидая очередного приступа боли, но, к своему облегчению, ничего не почувствовала. Она расслабила напряженные плечи и выдохнула, стараясь успокоиться. Нужно потерпеть всего около часа, и мучение закончится. Тогда она вернется домой, в квартирку в переулке Шанк в Пятом районе, и вокруг будут только близкие.

Пока мутти болтала с продавщицей из зеленой лавки, липкие ладони закрыли Пии глаза и в ухо кто-то захихикал. Где-то в районе грудной клетки сразу же вспыхнула резкая боль, девочку бросило в жар, у нее закружилась голова. Она сдернула чужие руки с лица и резко обернулась. Это был Томми Коста — веснушчатый мальчишка, вечно дразнивший ее на школьных переменах, — с двумя дружками, Энджелом Диприцци и Скипом Тернером. Расхохотавшись, ребята показали Пии язык и убежали. Боль в ребрах пропала вместе с ними.

К тому времени, как мутти выбрала место, чтобы смотреть парад, Пию трясло. Утром она умоляла разрешить ей остаться дома и даже обещала навести порядок в их двухкомнатной квартирке, пока мама с братьями будут гулять. Но мутти заставила дочку идти вместе с ними, хотя знала, как той тяжело находиться в толпе.

— Все честные американцы обязаны пойти на парад, — заявила мутти по-английски с сильным акцентом. — Президент Вильсон назвал всех немцев враждебными иностранцами. Я выполняю новые законы. Подписываю бумаги, отказываюсь от германского

гражданства. Сдаю отпечатки пальцев. Но у меня нет денег, чтобы купить облигации займа Свободы или сделать пожертвования в Красный Крест. Мне надо кормить тебя и твоих братьев. Так что нам придется пойти на парад. Всем вместе. Соседям мало даже того, что твой отец сражается за Америку на войне.

— Но какая разница, пойду я с вами или нет? — возразила Пия. — Ты покажешься всем соседям, и близнецам парад понравится. А я к вашему возвращению приготовлю ужин.

— *Nein*⁵, — ответила мать, и тут же по лицу у нее скользнула тень беспокойства. — То есть нет. Ты пойдешь с нами. По радио и в газетах советуют всем следить за соседями-немцами и докладывать властям. Перед тем как твой отец ушел на войну, одна женщина устроила мне скандал и кричала, что он якобы крадет работу у настоящих американцев. А потом плюнула в меня и велела убираться туда, откуда я приехала. Так что я тебя дома одну не оставляю.

Пия знала, что мутти права: уж слишком часто девочек дразнили в школе. Ходили слухи, будто германские шпионы отравляют еду, а живущие в Америке немцы тайне запасаются оружием. Кое-кого даже отправили в лагерь для интернированных. Весь город был обклеен плакатами с изображением жуткого кайзеровского солдата с окровавленными руками, а ниже шел призыв покупать облигации военного займа под лозунгом: «Побьем гансов!» Церкви с немецкими приходами выкрасили в желтый цвет, немецкоязычные газеты закрыли, а школьников обязали подписать обещание отказаться от иностранных языков. Мало того: особые полицейские

⁵ Нет (*нем.*).

отряды под названием Гражданская гвардия, которые изначально патрулировали улицы для вооруженной охраны важных городских объектов — водопроводных, насосных, электрических и телефонных станций, — теперь обходили и южные районы Филадельфии, чтобы присматривать за немецкими иммигрантами. Некоторые компании стали увольнять немцев, и мутти потеряла работу на ткацкой фабрике. А поскольку в банках требовали особое разрешение, та небольшая сумма наличными, которая у них осталась, хранилась под половицей в подполе спальни. Даже гамбургеры переименовали в «сэндвичи свободы».

Однако понимание маминой правоты ничуть не облегчало Пии поход на парад.

Через три дня после парада, на перемене, когда другие дети смеялись, играли в классики и прыгали через скакалку, Пия сидела на школьном дворе на своем обычном месте — гладком камне возле задней ограды — и притворялась, что читает. В бледном сером воздухе словно висел дым, и девочка ежилась от ветра. К счастью, она не забыла прихватить свитер, ведь школьные окна теперь все время держали нараспашку, чтобы предотвратить распространение гриппа. Сегодня Пия надела плотные хлопчатобумажные чулки и платье из мешковины до середины голени, но ткань давно износилась и протерлась. Девочка отложила книгу, натянула рукава свитера на кисти рук и попыталась сдерживать дрожь. Непонятно было, от чего она дрожит, — от холода или от неотвязных мыслей о событиях после парада.

Миссис Шмидт рассказала мутти, что всего за сутки каждую койку в каждой из тридцати одной больницы го-

рода заняли жертвы нового недуга — испанского гриппа, и теперь пациентов больше не принимают. К четвертому дню заболевание поразило больше шестисот жителей Филадельфии, и ежедневно умирало свыше сотни человек. Пия подслушала, как учителя шептались, что из-за войны врачей и сестер не хватает, а богадельни и церкви приспособили под временные больницы. Появились новые плакаты с надписями: «Плевков равносител убийству», и полиция хватала провинившихся. Другой плакат изображал прилично одетого мужчину, позади которого с заплеванного тротуара поднимался демон с когтитыми лапами, а призыв гласил: «Остановите эпидемию — перестаньте плевать! Касается каждого». Все носили на шее мешочки с чесноком или пропитанными камфорой ватными шариками, поэтому в воздухе висел мерзкий запах, который Пия невольню воспринимала как смрад смерти. Но страшнее всего были рассказы о том, что лица у заболевших испанкой становятся синими, почти черными; изо рта, носа, ушей и даже глаз течет кровь, а уже к ночи несчастные умирают.

Девочку мучили ночные кошмары, в которых, точно скачущие картинки в зале игровых автоматов, появлялись жуткие образы зрителей парада: лица с черными губами и лиловыми щеками, по которым текут ручьи крови. Она просыпалась в холодном поту, скорчившись на измятой простыне; живот и грудь ныли. Одна только мысль о болезни вызывала тошноту, а вонь от чеснока, висевшего сейчас у нее на шее, лишь усугубляла мучения.

Пия сняла зловонное ожерелье и бросила в траву, потом подняла голову к небу и глубоко вдохнула знакомый запах осени: влажная земля, опаленные солнцем листья, дым печных труб. Но этот приятный свежий аромат напомнил ей об ужасном первом дне в новой школе,

куда она перешла в прошлом году. Голоса матери и учительницы до сих пор звучали в голове.

— Вы читали письмо, которое я послала в школу, миссис Дерри? — говорила мутти.

— Да, миссис Ланге, я получила вашу записку, но не поняла, о чем вы просите.

— Простите, я только хочу убедиться, что... — Мутти старалась подобрать слова. — Моя Пия, как бы это сказать, чувствительная девочка. Она не любит толпу и не выносит, когда к ней прикасаются. Не знаю, в чем тут дело... — Мать нервно сцепила руки. — Но она вполне нормальная, даже умная. Можно вас попросить, чтобы другие дети...

— Миссис Ланге, как же я...

— Пии нужно учиться. Я не хочу, чтобы она...

— Хорошо, миссис Ланге, — перебила миссис Дерри. — Я сделаю все возможное. Но во время игр дети постоянно контактируют друг с другом, особенно на переменах. Это часть обучения. Иногда мне за ними не уследить.

— Да, я понимаю, — ответила мутти. — Но если Пия не захочет... если дети не поймут, что ее лучше оставить в покое, будьте добры...

Миссис Дерри сочувственно положила ладонь на руку матери.

— Не беспокойтесь, я о ней позабочусь и передам вашу просьбу другим учителям.

Мутти кивнула с усталой улыбкой, потом попрощалась с дочерью и ушла.

Миссис Дерри, как и другие учителя, мало обращала внимания на Пию. И память о том разговоре — мутти заламывает руки и пытается вразумить смущенную миссис Дерри, а Пия съездившись стоит в сторонке под